

Фу Вэньцзе смотрел на Се Юня, в то время как все остальные пристально следили за Фу Вэньцзе, не смея даже громко дышать. Во всём сумрачном подвале воцарилась патовая ситуация, а в сочетании с огромным чёрным гробом неподалёку сцена казалась зловеще неопишуемой.

Всего несколько мгновений ощущались как долгие годы, и наконец Фу Вэньцзе ошеломлённо протянул руку:

— Тайэ... как я рад снова тебя видеть...

Вздохи облегчения прокатились по комнате, каждый почувствовал, как его сердце опустилось из горла обратно в грудь.

Се Юнь подошёл и медленно опустился на одно колено перед покрытым кровью Фу Вэньцзе. Мерцающий свет огнива прыгал позади него, с этого ракурса большая часть его лица была скрыта за лёгкой вуалью, лишь уголки глаз искрились тусклым светом:

— Что ты делаешь, Чжунвэнь? Почему ты ранен?

Фу Вэньцзе пробормотал:

— Я... я отомстил за тебя, убил всех... ты доволен?

Се Юнь молчал. Фу Вэньцзе, захлёбываясь, расплакался:

— Я так по тебе скучал, Ваньцзюань, я правда очень по тебе скучал...

Молодой хозяин поместья разрыдался навзрыд, не то от скопившейся в горле крови, но его плач был настолько хриплым и пронзительным, что казался неестественным, словно наждачная бумага скребла по металлу, вызывая мучительное ощущение в душе.

Он бил себя кулаками, невротично повторяя — я ошибся — прости, слёзы крупными каплями скатывались по его бледно-серым щекам. Его лицо исказилось до судорог, всё тело сильно тряслось от чрезмерных рыданий, казалось, даже мучительная боль от пронзившего плечо золотого стрелы онемела. Кровь непрерывно сочилась из раны, образуя на земле небольшую лужу.

Все с замиранием сердца смотрели на его руку. Снежный лотос был сжат в комок, несколько лепестков уже опали, паря в луже крови на каменном полу.

Один из гвардейцев не выдержал и хотел двинуться, но Юйвэнь Ху схватил его:

— Подожди.

Се Юнь мягко сказал:

— Можешь опустить то, что у тебя в руке?

Однако эмоционально возбуждённый Фу Вэньцзе проигнорировал его.

— Каждый день... каждый день я думал о тебе, я ошибся, Ваньцзюань. Если бы я тогда не настаивал на женитьбе на тебе, если бы у тебя не было ребёнка... каждый день я сожалею, почему ушла именно ты?

— Я погубил тебя, все в этом мире погубили тебя, они все должны умереть! — тон Фу Вэньцзе внезапно изменился, сквозь рыдания прорывалась невероятно безумная жестокость. — Я заставлю их тоже испытать вкус отчаяния, я заставлю их спуститься и покаяться перед тобой! Я отправлю их всех к тебе, одного за другим! Они все должны умереть!

Эхо долго отдавалось, все невольно содрогнулись.

Се Юнь протянул руку и нежно коснулся ледяных кончиков пальцев Фу Вэньцзе:

— Я знаю. Я тоже очень по тебе скучал.

В тот миг словно сработала какая-то магия. Фу Вэньцзе внезапно затих, глядя на Се Юня дрожащими губами.

На самом деле, при таком слабом освещении и сквозь затуманенные слезами глаза он почти ничего не видел.

— Ваньцзюань... — тихо произнёс он. — Ты ненавидишь меня?

— Нет, — нежно ответил Се Юнь. — Я прощаю тебя.

Фу Вэньцзе глупо и безумно засмеялся, его смех разносился по тёмному тоннелю, вызывая мурашки.

— ...Замечательно, Ваньцзюань, я знал, что ты не будешь меня ненавидеть... Ты так прекрасна, ты всё так же прекрасна.

Даже такой выдававший виды воин, как Юйвэнь Ху, почувствовал ледяной озноб от этой жуткой и абсурдной сцены. У нескольких его гвардейцев непроизвольно задрожали икры.

Однако Се Юнь смотрел прямо на Фу Вэньцзе, уголки его светло-красных губ слегка приподнялись, взгляд был нежен, как у юной девушки:

— Цветок в твоей руке тоже прекрасен, можешь вставить его мне в волосы?

На мгновение Фу Вэньцзе, казалось, не понял, просто сидел в оцепенении. Пока взгляд Се Юня не перешёл на его другую, плотно сжатую руку, и он слегка не склонил голову, только тогда Фу Вэньцзе словно очнулся от помутнения и хихикнул.

— Вставить цветок, вставить цветок... верно. С тех пор, как ты ушёл на восток, волосы мои, как летучий чертополох; разве нет масла для умащения? Но для кого мне наряжаться?

Фу Вэньцзе в трансе поднял руку, сжимающую снежный лотос. Кровь сочилась сквозь пальцы, капая с кончиков на тёмные виски Се Юня.

Но он, казалось, не замечал этого, в его глазах появился рассеянный, скорбный и очарованный блеск, словно сквозь мрачный тоннель и мерцающий свет свечей он видел в памяти более мимолётные, далёкие и тёплые, ностальгические картины:

— Разве нет масла для умащения? Но для кого мне наряжаться?

Его рука слегка дрогнула.

У всех замерло дыхание, на мгновение вокруг воцарилась мёртвая тишина.

Окровавленный снежный лотос был воткнут Фу Вэньцзе в волосы у виска Се Юня.

Юйвэнь Ху немедленно принял решение:

— Командир Се, возвращайся!

Он уже занёс меч, готовый двинуться вперёд, но Се Юнь не шелохнулся, словно игнорируя всё вокруг, сохраняя позу на одном колене и с улыбкой глядя на Фу Вэньцзе:

— Ты хочешь пойти со мной?

Фу Вэньцзе слегка расширил глаза.

Се Юнь повторил:

— Ты хочешь пойти со мной?

Дань Чао внезапно что-то осознал и вскрикнул:

— Нет!

Но его слова запоздали. Фу Вэньцзе рассмеялся, из-за кровяных сгустков в горле смех звучал как бульканье, очень странно и жутко — однако его выражение лица было счастливым, или, можно сказать, молодой хозяин Поместья Ковки Мечей Фу никогда не выглядел так оживлённо и радостно.

Он сказал:

— Хорошо.

— Нет! — Дань Чао бросился вперёд. — Остановись!

В тот же миг ладонь Се Юня, как клинок, с хлюпающим звуком вонзилась в сердце Фу Вэньцзе, разбрызгивая кровь!

...

Фу Вэньцзе ошеломлённо уставился вперёд, изо рта хлынула обильная кровь, всё его тело судорожно содрогнулось. Но это длилось всего несколько мгновений, затем он с глухим стуком рухнул вперёд, зрачки быстро сузились, а потом полностью расширились.

— ...Вань... — последний вздох, словно шёпот, проскользнул сквозь его холодные дрожащие губы. — Ваньцзюань...

Се Юнь наклонился к его уху и тихо прошептал:

— Я здесь.

Фу Вэньцзе с усилием улыбнулся, судорожно вздохнул несколько раз и наконец спокойно закрыл глаза.

В подвале воцарилась гробовая тишина, никто не издал ни звука, не шелохнулся, даже дыхания не было слышно. Немое молчание длилось долго, наконец Се Юнь выпрямился, глубоко и полностью выдохнул и поднялся с места рядом с холодным телом Фу Вэньцзе.

Невыразимое напряжение в воздухе наконец слегка ослабло, каждый почувствовал, будто с плеч свалилась тысячекилограммовая тяжесть.

— Возвращайся, командир Се, — Юйвэнь Ху быстро подошёл. — Дело с Поместьем Ковки Мечей завершено, снежный лотос тоже можно...

Его шаги внезапно остановились. Се Юнь поднял руку, снял снежный лотос, и в то же время, повернувшись к людям спиной, его фигура снова распрямилась. Кости ног, поясницы, позвоночника, плеч, длинные пальцы издали хруст вправляющихся суставов, и затем статная фигура командира императорской гвардии снова предстала перед всеми.

— Что насчёт снежного лотоса? — холодно спросил Се Юнь.

Какое-то зловещее предчувствие внезапно возникло у Юйвэнь Ху:

— Не безобразничай, Се Юнь. Нынешний император уже издал указ, приказывающий тебе немедленно вернуться в Чанъань для доклада, передать всех людей Поместья Ковки Мечей и дело с противоядием наследного принца мне...

— Но противоядие в итоге получил я, не так ли?

Юйвэнь Ху запнулся под холодным насмешливым взглядом Се Юня, затем сказал:

— Что ты хочешь сделать?

После этих слов атмосфера снова стала напряжённой. Гвардейцы нервно сжали рукояти мечей, у Дань Чао дёрнулась бровь, он посмотрел на Юйвэнь Ху, затем на Се Юня, инстинктивно сделав полшага в сторону, слегка прикрыв путь Юйвэнь Ху остриём меча Цисин Лунъюань.

Однако Се Юнь не ответил. Он снял с плеча накиннутую наспех при жизни молодой госпожи алую одежду и небрежно накрыл ею тело Фу Вэньцзе у своих ног.

— Ничего не хочу делать, — лениво произнёс Се Юнь, его тон неожиданно лёгок и злораден. — Ты опять слишком много думаешь, генерал Юйвэнь. Те, кто много думают, легко рано умирают.

Он развернулся, прошёл сквозь толпу, взял оставленный в углу меч Тайэ и, как ни в чём не бывало, вышел из потайной комнаты. Юйвэнь Ху, бросив гвардейцам предупреждающий взгляд, быстро последовал за ним. Се Юнь, держа в одной руке снежный лотос, а в другой — меч Тайэ, первым шагнул в тоннель.

— Генерал... — тихо произнёс один из гвардейцев.

Юйвэнь Ху сделал жест, призывающий к тишине, и указал ему на конец процессии.